

Сегодня для меня актуальна идея поэзии как индивидуального личностного опыта. Согласно ей задача поэта — увидеть то, чего до сих пор не видел никто, и выразить это уникальным языковым способом, свойственным лишь ему одному. Речь идет об интеллектуальном, чувственном, духовном, а в некоторых особых случаях даже, не побоюсь этого слова, религиозном опыте. Из его индивидуальности вовсе не следует недоступность для других людей. Такой опыт может быть знаком каждому, главное, чтобы автор смог отобразить его по-своему, а значит, по-настоящему испытать.

Стихи поэта, чувствительного к духу времени, невольно становятся усложненными, поскольку они заключают в себе сознание современного человека, которое стремится ко всеохватности. Двадцать первый век принадлежит информации, потребляемой во всем многообразии форм, в любое время суток и в огромных количествах.

Но такое изобилие, как ни странно, приводит не к удовлетворенному насыщению, а к тягостному пресыщению. Внимание читателя рассеивается непрерывным информационным потоком, и это часто делает читателя более поверхностным, скептическим, одиноким. С одной стороны, ему не хочется забивать себе голову лишними словами и ритмами, без которых он и так прекрасно проживет, с другой — ему все-таки остро недостает чего-то важного, что превратило бы простой факт в сокровенный смысл, который нужно найти, потому что без него фундамент бытия не сможет удержаться и рухнет.

Зафиксированный индивидуальный опыт, содержащийся в стихотворении, служит как раз для этого, он соединяет человека и с бытием, и с другим человеком единовременно. Чем больше у нас будет подобного опыта, тем больше у нас появится шансов понять, что, собственно, происходит и зачем мы, люди, находимся здесь.

Клементина Ширшова

1

однажды спросила: что есть в тебе — твое,
затараторил всякое вразнобой:
«назову друзей, гуляющий парк весной,
экивоки, статьи Агамбена и разбой,
а еще тебя — наверное, это все».

пусть ответ очевиден, точен — но где же сам
заявляющий так открыто и так всерьез?
десять вечера, кухня, но неужели я
существую затем, чтобы ты меня произнес.

2

все к нему ходила, смотрела, не наглядевшись,
заводила руки за шею, за поясницу,
зажимала запястья, облизывалась и выла:
ой ты, господи боже, подай мне силы,
дабы не выкрасть снова, не оступиться.
и черно глядела, ломалась монетной дрожью,
с каждым шагом тугим мешком в животе звенело
суеверная воровала ножи, не ложки,
а потом негде спрятать было — она их ела.
поросла серебром, надулась отроковица,
вдруг вбегает, ко мне бросается: «помоги
не сдержалась я, забрала твоего мужчину.
изнутри меня ломит, тычет ногами в спину.
я боюсь, что он разорвет меня на куски».

3

так много говорят и не о том.
когда-то мы хотели стать одним.
не важно, порази меня копьем.
я продолжаю думать о своем,
о том, о чем с тобой не говорим.
увидев дверь, немедля отвори,
а то стоишь один у царских врат
и выжидаешь. но, держу пари,
за изгородью много говорят.

4

а он — плохой человек
и нет у него души.
и совести тоже нет,
души или не души.

не хочет он жить в добре
и нет у него забот.
к тебе или не к тебе,
придет или не придет.

помре или не помре,
веди или не веди.
смотри ему прямо в рот
и взгляда не отводи.

5

сидя со мной на скамейке в парке сокольники,
с тихой полуулыбкой она сказала:
мы переспали, точно как я хотела.
и еще смотрит, будто бы ей все мало.

мимо проехал велик, ходили дворники,
сбоку мигала реклама три дэ кино.
дети пошли к палатке и взяли пончики.
я ответила ей, что мне все равно.

Жрец

1

умертвят за то, что сорвал обряд
и не тронул агнца, сбежав из храма,
небесовый множественный снаряд
переплавит в магму мычанье стада,
но чужая вера — он это знал —
уже толщей серы, несвежей раной
проступает в стрекоте над барханом,
а уста отверзлись, рекут и мстят.

и слова оттуда идут, одни
смоляные, темные, а другие
светляков рассеянные огни
претворят собою миры иные,
отмечая горем гробницы вход,
именную летопись фараона,
направляя токи подземных вод,
уводящих строго во время оно.

жрец смотрел наверх и не мог понять:
колесница Бога, крылами рея
пронеслась тогда, разгоня рать,
как решиться ныне в нее поверить.

он увидел язвы на теле дней
и когда взмолились на самом деле,
отказался жертвовать: *«будь сильней,
мы добились чего хотели».*

2

славься, Анубис, тело твоё в песках, лико собачье, думы нечеловечьи
топишь очами, тянешь мои глаза, но подпускаешь ближе, берешь за плечи
зря научали, что беспримерно строг, в зале пустом сидит неподкупный стражник
ты не таков, а чтобы сказать каков, вижу, что слов моих не хватает даже
сколько ни длишься, столько миров с тобой, чем ни спасаешь душу, того не знаем
вместе идем одни на последний бой и под мечом карающим погибаем
смотрим на мор скотины, а по хлебам, возвращенным кровью, мухи ползут и жабы
в этой безродной тьме забываешь храм, ближние лица только увидеть нам ли
видим поблекший поочередный сон — лепим чело из глины, кулак из стали
сколько веков и дней мы боролись, но всяк под конец отчаялись и устали
я вопию к тебе через смертный грех, выдранный с корнем в ноги упавший коготь
хочешь, возьми на ниточку для потех, хочешь, как единицу меня запомни

3

кто молчаливой верой укажет: верь
станет понятно более, чем теперь
если взглядеться в бурое чрево тучи
где-то другое дышит чужое я
теплый папирус, лотос, его вода
солнечный диск небесного бога Ра

как человеку верить в себя, когда
столько всего бывает гораздо лучше

4

раз автобус уже не ходит
и в подземку билета нет,
получается, нужно, вроде,
перед жизнью держать ответ.

а ответ не объявлен вовсе,
объявились иные тут,
будто что-то сейчас попросят
острый ножичек достают.

но вокруг первозданно тихо,
отмела, улеглась метель.
снег — оставшееся от лиха
в сотворения первый день.

за спиною рюкзак помятый
обеспечит учебный март.
в нем египта большая карта,
книга мертвых и шоколад.

растворились в ночи видения,
дальше ищешь иной ответ:
почему нам дано спасение,
кто поставил его на свет?

а потом, засыпая дома,
с благодарностью: *сохранил*,
вспоминаешь, как над тобою
зажигаются фонари.